

Научная статья
УДК 343.13
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-100-104>

Доктринальная оценка правовых позиций высшего органа конституционного правосудия России по делу гражданина И. Н. Фролова в фокусе роли адвокатуры в правозащитной системе государства

Ковтун Николай Николаевич¹, Васяев Александр Александрович^{2, 3}

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, kovtunnov@mail.ru

²Московская городская коллегия адвокатов, Москва, Россия

³Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Москва, Россия

Аннотация. В работе исследуются правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, связанные с разрешением спора о праве адвоката-защитника являться на следственные действия с электронными техническими средствами, позволяющими фиксировать процессуальную форму реализуемых действий. В итоге акцентированы положительные моменты предложенного конституционного толкования и явные правовые лакуны в действительно полном решении проблем, возникающих по факту (возможного) применения указанных средств. Отмечая двойственность позиций высшего органа конституционного правосудия по исследуемым проблемам, авторы предлагают оптимальные варианты их разрешения.

Ключевые слова: адвокат, квалифицированная юридическая помощь, обвиняемый, электронные технические средства, запреты и ограничения для адвоката

Для цитирования: Ковтун Н. Н., Васяев А. А. Доктринальная оценка правовых позиций высшего органа конституционного правосудия России по делу гражданина И. Н. Фролова в фокусе роли адвокатуры в правозащитной системе государства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 100—104. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-100-104>.

Original article

Doctrinal assessment of legal positions the highest body of constitutional justice in Russia in the case of citizen I. N. Frolova in the focus of the role of advocacy in the human rights system of the state

Nikolay N. Kovtun¹, Alexander A. Vasyaev^{2, 3}

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, kovtunnov@mail.ru

²Moscow City Bar Association, Moscow, Russian Federation

³Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation related to resolving a dispute about the right of a defense lawyer to appear at investigative actions with electronic technical means that allow fixing the procedural form of the actions being implemented. As a result, the positive aspects of the proposed constitutional interpretation are emphasized, and obvious gaps in the truly complete solution of the problems arising from the fact of the (possible) use of these means. Noting the duality of the positions of the highest body of constitutional justice on the issues under study, the authors offer the best options for resolving them.

Keywords: lawyer, qualified legal assistance, the accused, electronic technical means, prohibitions and restrictions for a lawyer

For citation: Kovtun N. N., Vasyaev A. A. Doctrinal assessment of legal positions the highest body of constitutional justice in Russia in the case of citizen I. N. Frolova in the focus of the role of advocacy

© Ковтун Н. Н., Васяев А. А., 2022

in the human rights system of the state. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2 (58), pp. 100—104. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-100-104>.

Конституционным Судом Российской Федерации принято постановление от 26 мая 2022 года, правовыми позициями и итоговыми выводами которого разрешен, казалось бы, частный вопрос в споре между представителями двух структур единой правозащитной системы российского государства (адвокатурой и системой территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России)) относительно права адвоката-защитника к свободному использованию в помещениях административных зданий МВД России мобильного телефона, обладающего функциями аудиовидеофиксации, а также выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» [1].

Повторимся, мы не ошиблись, говоря о данных структурах именно как о единых и телеологически согласованных звеньях функционирования национальной правозащитной системы, призванной к формированию и обеспечению оптимальной жизнедеятельности правового государства и гражданского общества. Как следствие, любые посылы к тому, что в сфере реального функционирования этих структур изначально заложен непримиримый конфликт интересов и никакой общности целей, задач, предмета деятельности или выполняемых функций между ними в принципе нет, легко парируются объективным анализом основополагающих конституционных велений. По сути последних именно человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства (ст. 2 Конституции Российской Федерации). Соответственно, как акцентирует высший орган конституционного правосудия, это возлагает на Российскую Федерацию как демократическое правовое государство конституционную ответственность за создание надлежащих условий гражданам для реализации предоставленных прав; а лицам, оказывающим юридическую помощь, включая адвокатов, — эффективное осуществление соответствующей деятельности без ущерба для их достоинства, чести и деловой репутации (ст. 1 (ч. 1), 2, 19 (ч. 1), 21 (ч. 1), 45 (ч. 1) и 48 (ч. 1) Конституции Российской Федерации) [2].

В сфере уголовного судопроизводства России, которая собственно и была предметом проверки и оценки суда, эти конституционные

положения объективированы на уровне исходной идеи (принципа), предписания которой однозначны: не только адвокат-защитник, но и непосредственно суд, прокурор, следователь, во-первых, обязаны разъяснять обвиняемому, подозреваемому их права и обязанности, во-вторых, реально обеспечивать возможность осуществления указанных прав (ч. 1 ст. 11 УПК РФ). В итоге с позиций конституционных, подлинно государственных органы адвокатуры и система правоохранительных органов, функционирующих в сфере борьбы с преступностью, изначально не враги, не непримиримые процессуальные соперники. Это согласованная, сбалансированная, единая система, призванная к функционированию исключительно законному, обоснованному, нравственно безупречному, ибо Право и Правда — изначально исходный императив для этой системы.

На деле, к сожалению, нередко выходит иначе, что собственно и объективировалось как предмет спора сторон в исследуемом постановлении. Адвокат, ссылаясь на нормы федерального законодательства, правомерно полагал, что для целей оказания квалифицированной юридической помощи доверителю он вправе использовать в рамках производства следственных (процессуальных) действий имеющийся мобильный телефон; в том числе для фиксации законной процессуальной формы реализации последних, сути и содержания заявляемых ходатайств, их разрешения следователем, реального состояния доверителя. Конституционный Суд Российской Федерации признает как законность, так и реальность этого права у адвоката, апеллируя к нормам Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (пп. 6 п. 3 ст. 6) и к соответствующим нормам УПК РФ (п. 7 ч. 1 ст. 53).

Сотрудники (пропускной системы) территориальных органов МВД России, напротив, ссылаясь на нормы ведомственного нормативного правового акта (с грифом «Для служебного пользования»), неоднократно запрещали адвокату пронести в помещения административных зданий Министерства внутренних дел Российской Федерации мобильный телефон ввиду наличия в последнем функций аудио- и видеозаписи, а также выхода в сеть «Интернет». В качестве законного обоснования

указанного запрета при этом выступали доводы, связанные с необходимостью обеспечения требований безопасности охраняемых объектов и защиты от (потенциальных) террористических угроз. Доводы адвоката о том, что он официально приглашен для участия в следственных действиях, реализуемых в отношении его доверителя, а данное устройство объективно необходимо ему для реального обеспечения квалифицированной юридической помощи, естественно, во внимание не принимались. И в этих моментах правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации оказались не столь однозначны.

С одной стороны, суд резюмирует, что использование или неиспользование адвокатом-защитником (указанных) технических средств не образует содержания его деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи в уголовном процессе. Аналогично этот же момент не является содержательной частью права обвиняемого пользоваться помощью адвоката-защитника, следовательно не может рассматриваться в качестве оказания или не оказания юридической помощи, оценки ее как неквалифицированной. В итоге указанный запрет автоматически не влечет за собой непреодолимых препятствий как для оказания адвокатом квалифицированной юридической помощи, так и не лишает обвиняемого гарантированного статьями 45 (ч. 2) и 48 (ч. 2) Конституции Российской Федерации права защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

С другой стороны, суд признает, что подобный запрет неизбежно ограничивает предусмотренные федеральным законом возможности адвоката пользоваться техническими средствами для оказания юридической помощи. Признает и то, что этот запрет в качестве необходимых условий его применения должен быть обусловлен объективной потребностью в обеспечении государственной и иной охраняемой законом тайны; он же должен быть основан на конкретных положениях федерального закона, но никак не ведомственной инструкции (особенно с ограниченным грифом). Иное ставило бы под сомнение положения Конституции Российской Федерации о верховенстве федеральных законов и обязанности всех органов государственной власти соблюдать Конституцию и законы (ч. 2 ст. 4, ч. 2 ст. 15).

В итоге в результате системного анализа федерального законодательства Российской Федерации Конституционный Суд резюмирует вывод

о том, что система российского права не содержит каких-либо норм, ограничивающих проход адвокатов, оказывающих юридическую помощь по уголовным делам, в занимаемые органами внутренних дел административные здания с соответствующими техническими средствами, в том числе с мобильными телефонами.

Казалось бы, конфликт разрешен, и в дальнейшем осталось исключительно по букве конституционных велений снимать возможные споры в этих моментах; тем более что в заключении Конституционный Суд категорически предостерегает всех заинтересованных лиц от придания иного смысла разрешенным в постановлении нормам (п. 5 постановления). Однако «по букве» конституционных велений, как представляется, полностью снять конфликт не удастся, особенно в контексте того, что принципиальность последнего вывода высшего органа конституционного правосудия явно нивелируется, во-первых, заключительным выводом правовых позиций суда; во-вторых, общим ходом рассуждений этого органа, с которыми согласиться несколько затруднительно.

Так, в первом контексте вся принципиальность и (потенциальная) эффективность разрешения спора «рухнет» посредством итогового суждения суда, согласно которому вывод о том, что исследуемый запрет незаконен, никак не препятствует должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством самостоятельно определять возможность использования соответствующих функций телефона при производстве предварительного расследования. «По букве» у нас нет ни малейших сомнений в том, что следственные органы и, предположим, суд (как орган отправления правосудия) весьма широко воспользуются столь широко предоставленным правом. Как именно «пользоваться», какие именно функции телефона будут «разрешены» к использованию (и в какой мере), решать будут исключительно органы и должностные лица, ведущие процесс. Решать, естественно, с учетом своих субъективных позиций о правомерности и исходной «полезности» той или иной технической функции данного технического устройства для целей предварительного расследования или судебного разрешения дела. В итоге «обоснованные» запреты для адвоката более чем ожидаемы, как не менее ожидаемы и очередные жалобы адвокатов в суды различных инстанций и, весьма вероятно, в высший орган конституционного правосудия по тем же исходным моментам.

Во-вторых, по тексту исследуемого постановления суд как-то чрезмерно и не всегда оправданно «напоминает», что использование подобного телефона (по букве закона) правомерно исключительно к ситуации, связанной с ознакомлением и фиксацией адвокатом материалов уголовного дела (надо полагать, оконченного расследованием; статьи 216—218 УПК РФ). Иные следственные ситуации, связанные с потребностью в использовании исследуемых технических средств, явно за рамками внимания и оценки Конституционного Суда. К примеру, в части:

— необходимости и востребованности технической фиксации адвокатом хода и процессуальной формы производства следственных действий (на предмет реального разъяснения прав всем заинтересованным лицам; участия понятых и специалистов в данном следственном действии, законного применения мер принуждения, вручения копий протокола заинтересованным лицам и т. п.; ст. 164, 166 УПК РФ);

— заявления различного рода ходатайств и жалоб адвоката, направленных к обеспечению интересов и прав доверителя, итогов их своевременного разрешения следователем (ст. 123—124 УПК РФ);

— представления адвокатом различного рода документов (доказательств) следователю с целью их приобщения к делу в интересах доверителя или реакции последнего по факту указанных действий адвоката (ч. 3 ст. 86 УПК РФ).

Ни по одной из указанных ситуаций нет соответствующих суждений и итоговых выводов суда, ибо последний, как уже отмечалось, изначально однозначен в суждениях о том, что использование или неиспользование адвокатом-защитником (исследуемых) технических средств не образует содержания его деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи. Этот же момент не является содержательной частью права обвиняемого пользоваться помощью адвоката-защитника и не может рассматриваться в качестве оказания или неоказания именно квалифицированной юридической помощи. Между тем действующая следственно-судебная практика, как представляется, не столь однозначна в этих моментах, в том числе в контексте разрешения споров, связанных с материальными компенсациями обвиняемому за неказание квалифицированной юридической помощи доверителю [3]. Как следствие, эти проблемы

неизбежно проявят себя и в уголовно-процессуальном отношении «адвокат—следователь», и как предмет актуальной проверки Конституционного Суда Российской Федерации по обращениям заинтересованных лиц.

Между тем никто и ничто не препятствовало Конституционному Суду Российской Федерации как определиться в этих моментах, так и однозначно указать на то, что запрет адвокату к использованию конкретных функций мобильного устройства будет законен и обоснован в тех следственных ситуациях, когда их использование может быть объективно оценено как недопустимое злоупотребление правом, которое в принципе не соответствует как конституционным основам, так и нормам федерального законодательства об оказании квалифицированной юридической помощи. Естественно, и сам факт данного злоупотребления, и правомерность связанных с ним ограничений могут быть предметом независимой проверки и оценки суда в рамках статьи 125 УПК РФ.

Список источников

1. По делу о проверке конституционности пункта 25 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобой гражданина И. Н. Фролова: постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2022 года № 21-П // Российская газета. 2022. 3 июня.
2. Постановления Конституционного Суда РФ от 23 декабря 1999 года № 18-П, от 29 ноября 2010 года № 20-П, от 17 декабря 2015 года № 33-П, от 20 июля 2021 года № 38-П и др. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 24.04.2022).
3. Виноградов В. А. Обзор дисциплинарной практики адвокатских палат // Уголовный процесс. 2021. № 1. С. 18—19.

References

1. In the case of checking the constitutionality of paragraph 25 of part 1 of Article 13 of the Federal Law “On Police” in connection with the complaint of citizen I. N. Frolov: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 21-P of May 26, 2022. *Rossiyskaya Gazeta*, 2022, June 3. (In Russ.)
2. Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 18-P of December 23, 1999, no. 20-P of November 29, 2010, no. 33-P of December 17, 2015, no. 38-P of July 20, 2021, etc. (In Russ.) Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 24.04.2022). (In Russ.)
3. Vinogradov V. A. Review of the disciplinary practice of bar associations. *Criminal process*, 2021, no. 1, pp. 18—19. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. Н. Ковтун — доктор юридических наук, профессор;
А. А. Васяев — кандидат юридических наук.

Information about the authors

N. N. Kovtun — Doctor of Law, Professor;
A. A. Vasyaev — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 01.06.2022; одобрена после рецензирования 08.06.2022; принята к публикации 09.06.2022.

The article was submitted 01.06.2022; approved after reviewing 08.06.2022; accepted for publication 09.06.2022.